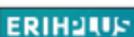

Толкачева С. В. Мотив переправы через воду в русской свадьбе Удмуртии / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 178—193. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-178-193.

Tolkachova, S. V. (2019). Motive of crossing the Water in the Russian Wedding of Udmurtia. *Nauchnyi dialog*, 8: 178-193. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-178-193. (In Russ.).

УДК 392.51(470.51)+398.8(470.51)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-178-193

Мотив переправы через воду в русской свадьбе Удмуртии

© Толкачева Светлана Викторовна (2019), orcid.org/0000-0002-9362-3017, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия), svetlana-tolk@mail.ru.

Статья посвящена особенностям претворения мотива переправы через воду в русской свадебной обрядности современной Удмуртской Республики. Актуальность работы обусловлена тем, что мотив переправы через воду впервые рассмотрен в контексте свадебного фольклора, бытующего на территории современной республики. Представлены результаты анализа ряда свадебных обычаев, в которых мотив переправы через воду символически представлен в акциональном коде свадебного ритуала. Выявлено, что в этих свадебных эпизодах вода наделялась «судьбоносной» ролью. Особое внимание уделено рассмотрению текстов свадебных песен. Показаны ассоциативные связи воды как магической очищающей стихии и таких её свойств, как переменчивость, текучесть, с «переходным» статусом невесты в свадебном обряде. В результате анализа текстов свадебных песен установлено, что в претворении мотива переправы в русском свадебном фольклоре Удмуртской Республики задействовано несколько образных сфер — сфера, связанная с мифологией воды и гидронимами; образы транспорта; сфера, объединяющая образ моста и уподобляющихся ему строений, предметов, действий. Показано, что к характерным проявлениям мотива переправы могут добавляться новые её репрезентации: переправа без участия водного пространства; текстовое описание и идентичная кинетическая интерпретация перехода по мосту в акциональном коде.

Ключевые слова: свадебные песни; русский фольклор Удмуртии; переправа через воду; мост; *подавай*.

1. Введение

Одним из ведущих мифологических мотивов в традиционной русской свадьбе Удмуртской Республики (УР) является мотив переправы через

воду. Анализу данного мотива была посвящена публикация А. А. Потебни в 1867—1868 годах «Переправа через воду как представление брака» [Потебня, 1989, с. 553—565; Топорков, 1989, с. 614—615]. По определению А. Л. Топоркова, «переправа — преодоление водной или иной преграды, символизирующей границу между миром живых и миром мёртвых. Осмысливается как наиболее ответственная часть пути в иной мир, связанная со смертельным риском и испытаниями, результат которых не предreshен заранее. Человек переправляется через реку (в том числе и огненную) или море с помощью моста, лодки, корабля, вброд, пешком или верхом на коне или птице...» [Топорков, 2002, с. 361]. Исследуя процессуальные символические мотивы обряда бракосочетания славян, А. В. Гура подчёркивает, что «<...> переправа через воду — наиболее прозрачная пространственная метафора ритуального “перехода”, адекватная его тернарной структуре, где в качестве границы выступает водное пространство (река, море, полая вода и т. п.) ...» [Гура, 2012, с. 638].

2. Претворение мотива переправы в русских свадебных обрядах Удмуртии

Водная граница и переправа через воду символически представлены в акциональном коде свадебного ритуала. Согласно исследованиям А. В. Гуры, «мотив преодоления водной границы, символизирующий заключение брака, реализуется и в самом свадебном обряде» [Гура, 2012, с. 640]. В качестве одного из примеров использования символического мотива переправы в обряде бракосочетания А. В. Гура приводит фрагмент свадебного обряда у русских Казанского уезда: «<...> перед отправлением к венчанию жених должен был перенести невесту через наполненное водой деревянное корыто в сенях ее дома» [Гура, 2012, с. 640]. Выдающийся удмуртский этнограф рубежа XIX—XX веков, священник Г. Е. Верещагин описывает сходный обычай, бытовавший в Вятско-Прикамском крае: «Когда невеста выходила на крыльцо, жених хватал её в охапку и нёс до свадебного поезда. Усаживал невесту в сани рядом со свахой» [Верещагин, 2001, с. 79]. Территория Вятско-Прикамского края, полностью охватывающая земли современной Удмуртии, частично совпадает с территорией бывшего Казанского уезда. Таким образом, сходный обычай, описанный разными исследователями и бытующий в едином культурно-ландшафтном пространстве, отличается важной — но одной — деталью: в варианте Г. Е. Верещагина наполненное водой корыто отсутствует. Можно предположить, что в зафиксированном Г. Е. Верещагиным обычае оказались задействованными процессы энтропии, поскольку сохранился лишь наи-

более кинетически яркий, зрелищный, чувственный компонент данного обычая — перенос невесты женихом с крыльца в сани.

Символическим выражением мотива переправы в акциональном коде свадебного ритуала русских Удмуртии также являлся способ передвижения поезжан по дому невесты в первый день свадьбы на входе и выходе из него — держась за руки [Толкачева, 2010, с. 120]. Перемещение по дому гостей «цепью» графически напоминало линию. А вхождение в «чужеродное» пространство с целью осуществления главного намерения — «захвата» невесты — и выход из дома для дальнейшей поездки к жениху символически уподоблялись вхождению на мост, переходу по нему через «опасное» пространство и уходу с моста. Данный обычай находит претворение в текстах свадебных песен.

Мотив преодоления водной преграды в акциональном коде отчётливо просматривается в обычаях *подавай / по воду ходить*, проводившихся на второй или третий свадебные дни [Болдырева и др., 2018, с. 69—71; Стародубцева, 1999, с. 50—51; Толкачева, 2018, с. 97—98; Шуклина, 2012, с. 13]. Согласно народным верованиям, процесс проведения *подавая / хождения по воду*, как и многих других свадебных обычаев, мог повлиять на последующую семейную жизнь. В этих свадебных эпизодах вода наделялась «судьбоносной» ролью: «Водная стихия / водное божество не только творит, моделирует, предопределяет бытие, но и предсказывает человеческую судьбу» [Криничная, 2014, с. 11]. Молодые в сопровождении гостей шли на водный источник — реку, родник, колодец. «На водный источник (родник, колодец) ряженные могли набросать крупный мусор — доски и сесть на них, требуя выкупа. В д. Котово Каракулинского р-на этот обычай назывался *закрывать колодец*. Помогали *отворяывать, откупать* воду *молодой* её супруг и дружки» [Болдырева и др., 2018, с. 70]. Молодушка старалась донести до дома полные вёдра воды, поскольку повсеместно бытовало такое поверье, что выплеснувшаяся вода в дальнейшем могла принести несчастье. Молодую толкали, «<...> а жених должен её оборонять, не давать воду плескаться! Воду принесут — чай вскипятят...» [Шуклина, 2012, с. 9]. Принесённую воду молодушка заливала в самовар и угощала гостей чаем.

3. Претворение мотива переправы в русском свадебном фольклоре Удмуртии

Семантика воды в русском свадебном песенном фольклоре Удмуртской Республики во многом обусловлена «<...> представлениями о ней как о “чужом” пространстве и входе в потусторонний мир» [Виноградова, 2002, с. 80]. Ассоциация воды с магической очищающей стихией, акцентирова-

ние таких её свойств, как переменчивость, текучесть, резонирует с «переходным» статусом невесты в свадебном обряде. В текстах свадебных песен водное пространство отражается через соответствующие, гидроморфные, образы, при помощи мотива переправы и т. д. В претворении мотива переправы в русском свадебном фольклоре Удмуртии задействованы несколько образных сфер — сфера, связанная с мифологемой воды и гидронимами; образы транспорта; сфера, объединяющая образ моста и уподобляющихся ему строений, предметов, символических действий. В свадебных песнях, в которых используется мотив переправы, главные персонажи — представители противоположного пола, оппозиционных партий или этого и иного миров: девушка и парень, девушка и свёкор, жена и муж, невеста и поезжане.

3.1. МОРЕ. РЕКА. БЕРЕГ. ВСТРЕЧИ СО СВЁКОМ, С МУЖЕМ, ПРЕБЫВАЮЩИМ В ИНОМ МИРЕ

В некоторых свадебных песнях мотив переправы претворяется в монологе идущей по берегу реки девушки или женщины. Песня «Перепёлышка за морё летала» связана со свадебными и хороводными песнями с тематикой о запрете возвращения в отчий дом в течение длительного срока выданной замуж девушки [Стародубцева, 1999, с. 18—20]. В этой песне говорится о том, как идущая вдоль реки девушка ищет *матушку* и *батьюшку* в чужих людях, но *находит свёкора*. Река здесь ассоциируется с границей между «своим» и «чужим» социумом, а берег — с незнакомой, неведомой территорией (все тексты свадебных песен в статье приводятся в сокращении):

*Перепёлышка за морё летала, летала.
Правым крылышком за ричушку махала, махала.
Всё де Аннушка с-по бережку ходила, гуляла.
Во в чужих людях матюшку искала, смекала.
Ни нашла себе батьюшка роднова,
Не плохова, не журливова да, не бранливова.
Только нашла себе свёкора лихова, крутова, журливова, бранливова.*
[НОА].

В тексте песни «Перепёлышка за морё летала» параллельно употребляются образы моря и реки. Исследуя концепт МОРЕ в контексте русской мифологической картины мира, С. А. Кошарная выявляет тонкие оттенки в мироощущении русским народом моря и реки и приходит к следующим выводам: «Реки воспринимались славянами как пути в иной мир, в то время как море — это уже собственно локус небытия, место нахождения персонифи-

цированной смерти — *Моры (Мары)*» [Кошарная, 2008, с. 20—21]. В песне «Перепёлышка за морё летала» разница в применении образов моря и реки может быть обусловлена контекстом, координацией с определёнными персонажами: за *море* улетает *перепёлка*; возле *ричушки* прогуливается *Аннушка*. То есть с «удалённым» мифологическим водным пространством — морем — состыкуется образ *перепёлки* — птицы, символически связанной с невестой [Гура, 1997, с. 718—719]. *Аннушка* располагается возле более «освоенного», близкого к её социуму водного пространства — на берегу реки.

В песне «По реке, речке» описывается обращение вдовы к умершему мужу [Толкачева, 2019, с. 40]. Нахождение вдовы возле текущей воды создаёт предпосылки для её естественного общения с мужем, несмотря на его местонахождение в ином мире:

*По реке, речке, по реке, речке,
По реке, речке быстрою, по реке, речке быстрою.
Там корабль плывёт, там корабль плывёт
Дорогими подарками — со атласом, со бархатом.
По бережку шла, по бережку шла
Молодая боярыня свет <имя, отчество женщины>.
Она кликала, она кликала
Своего друга милого, свет <имя, отчество мужчины>.
— Без тебя, милый друг, без тебя, милый друг,
Без тебя сына родила, без тебя дочку милую...*

[Болдырева и др., 2018, 270—271].

Таким образом, в русских свадебных песнях Удмуртской Республики берег является местом для коммуникации персонажей — представителей разных родов, возраста и даже разных «миров». Это — девушка и парень, молодуха и свёкор, вдова и её муж, пребывающий в ином мире.

3.2. Мотив переправы в свадебных песнях. Лодка. Челнок

В русском свадебном фольклоре Удмуртии художественный образ водного транспорта представлен челноком, лодкой, кораблём. По мнению С. А. Кошарной, символика корабля в славянской культуре концептуально связана «не с *морем* как «частью Мирового океана», а с морем как «царством мертвых», потусторонней областью» [Кошарная, 2008, с. 22]. В большинстве песенных текстов с включением данного образа изображено присутствие на водном транспорте художественных персонажей — девицы, молодца, гостей и т. д. В ряде песен описывается, как челнок,

лодка, корабль перемещаются по морю / реке, в то время как герои передвигаются по берегу. В песне «Уж ты, горюшко-горевати», несмотря на отсутствие упоминаний о воде и о водном транспорте, среди главных персонажей выступают *гребцы*.

В песне «Челночѣчик с-по ричушке сплавливаѣт» мотив переправы представлен диалогом девушки и парня, идущего по берегу и испытывающего девушку вопросами:

*Челночѣчик с-по ричушке сплавливаѣт, сплавливаѣт.
Да Донил-от с-по бережку спохаживаѣт, спохаживаѣт.
Да Наталью за ручку споваживаѣт, споваживаѣт.
У Натальи он речи выпрашивает, выпрашивает.
— Ты, Наталья, Наталья, Натальюшка, Натальюшка.
Иишо кто у тя мил-од(ы) да мил во в дому, мил во в дому?
— У мя мил-от милѣшинѣк батюшко, батюшко.
— Да не правда, не правда, не правда твоя, не правда твоя.
Да не серцо, не серцо, не серце твоѣ...*

[Стародубцева, 1999, с. 68—70].

В рефрене песни говорится о том, что *Донил спохаживаѣт с-по бережку, споваживаѣт за ручку Наталью*, в то время как *с-по ричушке сплавливаѣт челночѣчик*. Акцентирование образа челнока в начале рефрена, насыщенность текста гидроморфной символикой, противопоставление текущей реки и берега координируются с описываемой в песне ситуацией зарождения и развития симпатий между молодыми людьми.

Переживания героев песни «Челночѣчик с-по ричушке сплавливаѣт» метафорически оказываются сходными с семантикой лексемы *река*. Согласно лингвистическим исследованиям, «русское слово *река* восходит к и.-е. корню *er-, *or-, *r с общим значением 'приходить в движение, устремляться' <...>. Нетрудно видеть, что уже ядерное этимологическое значение содержит значительные возможности для концептуально-метафорического и символического переосмысления изначально природного объекта в плане выразителя духовных (этических, психологических, философских, эстетических) сущностей, связанных в общем виде с идеями движения, изменения, становления, развития, достижения какого-то предела, перехода в другие планы бытия» [Радбиль и др., 2019, с. 130].

3.3. ПЕРЕХОД И ПЕРЕЕЗД ПО МОСТУ

Мотив переправы по мосту в свадебных песнях северных районов Удмуртской Республики сопряжён с поэтическими мотивами перехода поез-

жан в дом невесты (песни «Эх, вы, дружки ли, дружиньки» [Стародубцева, 1999, с. 54—55], «Были мосты калиновые») и переезда по мосту девушки в карете (песня «С-по мосту было, мостечко» [Стародубцева, 1999, с. 48—49]). Данными мотивами маркируются начальные строки этих песен.

Слово *мост* в русских говорах северных районов Удмуртии имеет несколько значений: сооружение над водным препятствием — искусственное или естественное; сени; деревянные настилы во дворе. Так, деревянные настилы во дворе называли *мостом* в Базелинском р-не Удмуртии: «*На свадьбу едут «по мосту-то, мосту», хоть от невесты придут — «по мосту» идут <...>, проходят туды...*» [Стародубцева, 1999, с. 20]. Этнограф, филолог, богослов Н. М. Васнецов приводит значение слова *мост* как «сени между избою и клетью» [Васнецов, 1907, с. 135].

При перемещениях по дому невесты в первый день свадьбы поезжане обязательно держались за руки, образуя цепь — своеобразную телесную, «живую», кинетическую интерпретацию моста [Толкачева, 2010, с. 120]. В песнях «Эх, вы, дружки ли, дружиньки» / «Были мосты калиновые» говорится о входе *поезжан* в дом *по мосту* и их выходе из дома уже с *душенькой-невестой*. То есть, лексема *мост* могла обозначать мост как сооружение, мост как «промежуточное» пространство дома — сени и надворные постройки — и мост в переносном значении — как цепь, единство, содружество людей, объединённых одной целью посредничества между брачным воссоединением двух молодых людей с разных родов социума.

В песнях, в которых описывается данный обычай, порядок очерёдности гостей в точности совпадал с акциональным кодом свадебного обряда — первым в цепи шёл *друженька*, далее — *тысячка*, затем *князь молодой* (жених), *душенька* (невеста), последняя — *свашенька*. Гидроморфная символика — море, река, водный транспорт — в текстах с включением мотива переправы иногда отсутствует. Например, в одном из вариантов текста «Эх, вы, дружки ли, дружиньки» диалог девушки и её спутника на мосту опущен, а вместо него следует описание свахи невесты и свахи жениха:

— Эх, вы, дружки ли, дружиньки,
Дружки — ясные сокола <...>
У нас мосты калиновыё,
Преводы ребиновыё.
Вы не гнитесь, мостовиночки,
Не ломайтесь, переводенки.
Наперёд идёт дружинька,

*А за дружинькой — князь молодой.
За князём идёт душица,
Душа-красная девица,
А'(э) за девицей — сваишенька,
Всё немыта рубаишенька...*

[Стародубцева, 1999, с. 54—55].

В *плесковой* свадебной песне «С-по мосту было, мостечко» описывается переезд по мосту золотой кареты, в которой *плачет-рыдает* по прежней привольной жизни девица. Её утешает *молодец*, обещая *девице волю* «лучше батюшка роднова»:

*С-по мосту было, мостечко да,
Рай мой, рай.
С-по калиному-частому да.
Тут катилася корета да.
Коретушка не простая да.
Не простая — золотая да.
Во в корете сидид(ы) девка да.
Она плакала-рыдала да.
Ко корете припадала да.
— Ты не плачь, не плачь, девица да.
Иишо дам я тебе волю да.
Лучше батюшка роднова да...*

[Стародубцева, 1999, с. 48—49].

В северных районах Удмуртии бытует *троинская* (хороводно-игровая) песня «С-по мосту было мостечко», начало которой идентично свадебной песне, а сюжет основан на взаимодействии пары водоплавающих птиц — утки и селезня [Стародубцева, 1999, с. 143; Стародубцева, 2001, с. 48, 190].

3.4. ПЕРЕХОД ПО РЯБИНЕ

В качестве моста в свадебных песнях могла выступать рябина. В песне «Через море рябина лежала» повествуется о переходе через море молодой супружеской пары. Муж, переводя *молоду жену через море по рябине*, пытается предостеречь её от падения, предлагая держаться за золотые пуговицы его суконного костюма. Далее рассказывается о падении пуговицы в море, что вызывает «пленение» жены роднёй мужа — свёкром, свекровью, деверем, золовкой:

*Через море рябина лежала, да лежала.
Что по ней-то никто и не ходит, и не ходит.
Что Василию переходит, переходит.
Свою маладу жену переводит, переводит.
— Ты иди-ко, жена, да не падай, да не падай.
Что за мой-от костюм-то держися, то держися.
Что за мой-от костюм за суконный, за суконный.
Что за петельки шелковые, шелковые.
Что за пуговики золотые, золотые.
Одна пуговка в море упала, да упала.
Наша Людочка в плен попала, да попала.
Что ко свёкру она со свекровкой да, со свекровкой...*

[Болдырева и др., 2018, с. 223].

В данной песне задействована символика одежды — суконного костюма, золотых пуговиц, шёлковых петлей. Поэтические образы костюмного комплекса, особенно «скрепляющих» одежду предметов (пуговицы, петли), связаны с народным мировосприятием социальных отношений [Узенёва, 2002, с. 337—339]. Таким образом, описание перехода по мосту с участием древних, архаических мифологем моря, рябины, моста сменяется обращением к жене молодого мужа и описанием его костюма. В связи с упоминаемыми предметными реалиями сюжетный план песни переводится в «историческую», социальную сферу. Текст песни завершается зарисовкой «пленения» *Людочки* новой семьёй — семьёй её мужа.

Таким образом, мотив переправы в большинстве русских свадебных песен Удмуртской Республики координируется с образом моста. Мост в песнях может быть представлен гидротехническим сооружением, деревом, хореографической композицией. Включение лексемы *мост* в вербальный код свадебного обряда создаёт предпосылки для воссоздания семантического поля, связанного с гидроморфной символикой.

3.5. СТРЕЛА. МОРЕ. РЕКА

В вариантах свадебной плясовой песни «На калине соловеюшко сидел» / «На калинке соловейко сидел» переплетаются поэтические мотивы переправы и охоты. Эти мотивы раскрываются как приобретение женихом невесты при помощи стрелы, улетающей за *поле*, *луга* и *море*. Стрела убивает *в море серу утицу (лебедь)* и *красну девицу в высоком тереме*. Неведомым образом, при содействии *стрелы*, *утка* и *девица* из-за моря

падают к *доброму молодцу*. Утка (лебедь) становится для юноши едой (*естья, ества*) или *постелью*, а девица — *невестой*:

На калине соловеюшко сидел,

Горьку ягоду калину воскушал.

<...> *Соловеюшко всю ночь просвистел,*

Добрый молодец во гусли проиграл.

Красна девица выслушивала,

Добра молодца восхваливала:

«*Вырос, вырос ты во гуслицы играть,*

Вырос, вырос по вечерочкам гулять,

Калены стрелы налаживати,

Каленой стреле наказывати.

— *Ты лети, лети, каленая стрела,*

Через три поля на сини на моря.

Ты убей, убей, каленая стрела,

Серу утицу на синем на море,

Красну девицу в высоком тереме.

Сера утица — естья моя,

Красна девица — невеста моя».

[Травина, 1978, с. 130—132].

На калинке соловейко сидел,

<...> — *Ты убей, убей, калёная стрела,*

Серу утицу на Волге на реке,

Лебедь белую на синем на море,

Красну девицу в высоком тереме.

Лебедь белая — постеле пухова,

Сера утица — ества моя,

Красна девица — невестка моя.

Лебедь белую — постелю постелю,

Серу утиц — на стол принесу,

Красну девицу за стол поведу.

[Болдырева и др., 2018, с. 264—265].

В первых строках песни «На калинке соловейко сидел» наглядно демонстрируется семантическое единство моря и реки, которые трактуются как единое водное пространство.

Таким образом, летящая стрела в песне «На калине соловеюшко сидел» становится своеобразным мостом, соединяющим доброго молодца и красную девицу и доставляющим невесту через реку и море к её жениху.

3.6. РОССТАНИ И ГРЕБЦЫ

Песня «Уж ты, горюшко-горевати» звучала во время отъезда свадебного поезда с женихом и невестой к венцу — в избе, в ограде, собственно в момент отъезда. Соответственно каждому исполнению песни в новом пространстве в тексте изменялось определение *росстаней* (перекрёстка дорог): росстанями становились *середина горенки, двора, поля*. Росстани в народной традиции трактуются как особое место, обладающее магической силой [Плотникова, 2002, с. 360—361]. Подобным признаком наделялись и называемые в песне *росстанями* центры избы (горенки), двора, поля. В песне «Уж ты, горюшко-горевати» мотив перехода через воду проявляется в виде аллегии. В тексте комментируется пересечение участниками свадьбы реальных границ — дома, двора невесты. Поле в песне трактуется народными исполнителями как участок дороги молодых в дом жениха.

Несмотря на то, что упоминания о воде в песне «Уж ты, горюшко-горевати» нет, тем не менее текст содержит обращение невесты к двум персонажам — к *мамоське* и к *гребцам*, которые разлучают невесту с матерью:

— <говорком> *Начинают выводить невесту из избы:*

Эшио первы-те росстани,

Посреди горенки новые.

Уж вы, гребцы, не гребите,

Дайте с мамоськой простица, да,

Со родименькой бласловица.

— <говорком> *Это уже в ограду:*

Эшио вторы-те росстани,

Посреди двора широкова <...>

— <говорком> *Уже из ограды повезли, всё, уже к жениху:*

Эшио третьи-те росстани,

Посреди поля широкова <...>

— <говорком> *Полям к жениху уже повезли <...>*

[Болдырева и др., 2018, с. 179—180].

В переправе невесты через центральные, наиболее значимые, то есть несущие потенциальную опасность точки пространства содействуют своеобразные помощники — *гребцы*.

В силу характера своей деятельности *гребцы* приводят в движение водный транспорт, который не упоминается в песне. Перемещаясь, они *гребут* не по воде, а по другим видам пространства — по *горенке, двору, полю*.

Можно предположить, что образ *гребцов* в данной песне семантически связан со смертью, поскольку они, не являясь представителями партии жениха, в то же время олицетворяют внеличностную, непреодолимую силу, разлучающую невесту с отчим домом, с её родными и близкими [Толкачева, 2013, с. 139].

4. Выводы

В традиционной русской свадьбе Удмуртской Республики водное пространство — вода, ключ, река — символизирует границу между этим и иным миром, магическое очищение. Анализ свадебных обычаев, в которых мотив переправы через воду символически представлен в акциональном коде свадебного ритуала, показал, что в этих свадебных эпизодах вода наделяется «судьбоносной» ролью.

В свадебных песнях с включением мотива переправы через воду обнаруживается семантическое единство пространства воды, моря, реки. Мифологические образы моря, реки, берега в текстах свадебных песен созвучны обрядовой приуроченности песен и подчёркивают лиминальное, «переходное» состояние девушки-невесты в свадебном обряде. Часто к характерным элементам мотива переправы в русских свадебных песнях УР добавляются новые смыслы. Семантическое многообразие мотива переправы через воду «подключает» участников действия к мифологическим пластам свадебного обряда посредством ряда обычаев и ритуальных действий. Например, переправа происходит без участия водного пространства или в виде хореографической композиции.

Источники и принятые сокращения

НОА — *Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Фольклорно-этнографическая экспедиция 2001 года в с. Сергино Балезинского района УР. Запись С. В. Стародубцевой, Л. Н. Мардановой от Макаровой А. Н., Макаровой Е. М., Никоношиной А. С., Савиной А. И., Савиной А. М., Савиной М. А., Савиной М. М.*

Литература

1. *Болдырева В. Г.* Русская свадьба Среднего Прикамья / В. Г. Болдырева, С. В. Толкачева. — Ижевск : Шелест, 2018. — 302 с.

2. *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора / Н. М. Васнецов. — Вятка : Издание Губернского Статистического комитета, 1908. — 357 с.
3. *Верещагин Г. Е.* Свадебные обряды / Г. Е. Верещагин // Собрание сочинений : в 6 томах. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — Т. 3 : Очерки русских Вятско-Прикамского края. — Кн. 2, Вып. 2. — С. 47—83.
4. *Виноградова Л. Н.* Вода / Л. Н. Виноградова // Славянская мифология : энциклопедический словарь. — Москва : Международные отношения, 2002. — С. 80—82.
5. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре : семантика и символика / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 2012. — 936 с.
6. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с.
7. *Кошарная С. А.* «Море» в русской мифологической картине мира / С. А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2008. — № 15. — С. 19—23.
8. *Криничная Н. А.* Мифология воды и водоемов : былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера : исследования, тексты, комментарии / Н. А. Криничная. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — 390 с.
9. *Плотникова А. А.* Перекрёсток / А. А. Плотникова // Славянская мифология : энциклопедический словарь. — Москва : Международные отношения, 2002. — С. 360—361.
10. *Потебня А. А.* Переправа через воду как представление брака / А. А. Потебня // Символ и миф в народной культуре. — Москва : Правда, 1989. — С. 553—565.
11. *Радбиль Т. Б.* Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 127—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.
12. *Стародубцева С. В.* Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой) / С. В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — Вып. 1. — 226 с.
13. *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья / С. В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 421 с.
14. *Толкачева С. В.* Гидроморфная символика в русском свадебном фольклоре Удмуртской Республики: межэтнические параллели с удмуртской традиционной культурой / С. В. Толкачева // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2019. — Т. 13, Вып. 1. — С. 34—46.
15. *Толкачева С. В.* Организация пространства в русских свадебных обрядах северных районов Удмуртии / С. В. Толкачева // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. — 2010. — Вып. 4. — С. 119—123.
16. *Толкачева С. В.* Символика ритуального перехода невесты в русском свадебном песенном фольклоре Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия 5 : История и филология. — 2013. — Вып. 4. — С. 135—141.

17. *Топорков А. Л.* Переправа / А. Л. Топорков // Славянская мифология : энциклопедический словарь. — Москва : Международные отношения, 2002. — С. 361—362.

18. *Топорков А. Л.* Примечания / А. Л. Топорков // Символ и миф в народной культуре. — Москва : Правда, 1989. — С. 580—615.

19. *Травина И. К.* Русские народные песни родины П. И. Чайковского / И. К. Травина. — Москва : Советский композитор, 1978. — 186 с.

20. *Узенёва Е. С.* Одежда / Е. С. Узенёва // Славянская мифология : энциклопедический словарь. — Москва : Международные отношения, 2002. — С. 337—339.

21. *Шуклина Т. А.* Свадьба : учебное пособие / Т. А. Шуклина. — Глазов : ГГПИ, 2012. — 96 с.

Motive of crossing the Water in the Russian Wedding of Udmurtia

© **Svetlana V. Tolkachova (2019)**, orcid.org/0000-0002-9362-3017, PhD in Philology, Senior Researcher, Department of Philological Research, Federal State Budgetary Institution of Science Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), svetlana-tolk@mail.ru.

The article is devoted to the implementation peculiarities of the motive of crossing the water in the Russian wedding rituals of the modern Udmurt Republic. The relevance of the work is due to the fact that the motive of crossing over water was first considered in the context of wedding folklore found in the territory of the modern republic. The results of the analysis of a number of wedding customs are presented in which the motive of crossing the water is symbolically represented in the action code of the wedding ritual. It was revealed that in these wedding episodes the water was endowed with a “fateful” role. Particular attention is paid to the consideration of texts of wedding songs. The associative links of water as a magical cleansing element and its properties such as changeability, fluidity, with the “transitional” status of the bride in a wedding ceremony are shown. As a result of the analysis of the texts of wedding songs, it was found that the implementation of the motive of the crossing in the Russian wedding folklore of the Udmurt Republic involves several imaginative spheres - a sphere associated with the mythological water and hydronyms; images of transport; a sphere uniting the image of a bridge and buildings, objects and actions similar to it. It is shown that new representations of the crossing can be added to the characteristic manifestations of its motive: the crossing without the participation of water space; textual description and identical kinetic interpretation of a bridge crossing in the action code.

Keywords: wedding songs; Russian folklore of Udmurtia; crossing the water; bridge; give.

Material resources

NOA — *Nauchno-otraslevoy arkhiv Udmurtskogo instituta istorii, yazyka i literatury Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Folklorno-etnogra-*

ficheskaya ekspeditsiya 2001 goda v s. Sergino Balezinskogo rayona UR. Zapis' S. V. Starodubtsevoy, L. N. Mardanovoy ot Makarovoy A. N., Makarovoy E. M., Nikonoshinoy A. S., Savinoy A. I., Savinoy A. M., Savinoy M. A., Savinoy M. M.

References

- Boldyreva, V. G., Tolkacheva, S. V. (2018). *Russkaya svadba Srednego Prikamya*. Izhevsk: Shelest. (In Russ.).
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Gura, A. V. (2012). *Brak i svadba v slavyanskoj narodnoj kulture: semantika i simvolika*. Moskva: Indrik. (In Russ.). (In Russ.).
- Kosharnaya, S. A. (2008). «More» v russkoj mifologicheskoj kartine mira. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 15: 19—23. (In Russ.).
- Krinichnaya, N. A. (2014). *Mifologiya vody i vodoyemov: bylichki, byvalshchiny, pover'ya, kosmogonicheskiye i etiologicheskiye rasskazy Russkogo Severa: issledovaniya, teksty, kommentarii*. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN. (In Russ.).
- Plotnikova, A. A. (2002). Perekrestok. In: *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 360—361. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (1989). Pereprava cherez vodu kak predstavlenie braka. In: *Simvol i mif v narodnoj kulture*. Moskva: Pravda. 553—565. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2019). Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov's Works. *Nauchnyi dialog*, 2: 127—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).
- Shuklina, T. A. (2012). *Svadba*. Glazov: GGPI. (In Russ.).
- Starodubtseva, S. V. (1999). *Okh, rospechalnoye moe serdechko (pesni iz repertuara N. E. Vlasovoy)*. 1. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Starodubtseva, S. V. (2001). *Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurechya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. (2010). Organizatsiya prostranstva v russkikh svadebnykh obryadakh severnykh rayonov Udmurtii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 5: Istoriya i filologiya*, 4: 119—123. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. (2013.). Simvolika ritualnogo perekhoda nevesty v russkom svadebnom pesennom folklore Udmurtii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 5: Istoriya i filologiya*, 4: 135—141. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. (2019). Gidromorfhnaya simvolika v russkom svadebnom folklore Udmurtskoy Respubliki: mezhetnicheskiye paralleli s udmurtskoj traditsionnoy kulturoy. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 13/1: 34—46. (In Russ.).
- Toporkov, A. L. (1989). Primechaniya. In: *Simvol i mif v narodnoj kulture*. Moskva: Pravda. 580—615. (In Russ.).

- Toporkov, A. L. (2002). Pereprava. In: *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 361—362. (In Russ.).
- Travina, I. K. (1978). *Russkiye narodnyye pesni rodiny P. I. Chaykovskogo*. Moskva: Sovetskiy kompozitor. (In Russ.).
- Uzeneva, E. S. (2002). Odezhda. In: *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 337—339. (In Russ.).
- Vasnetsov, N. M. (1908). *Materialy dlya obyasnitel'nogo oblastnogo slovarya vyatskogo govora*. Vyatka: Izdaniye Gubernskogo Statisticheskogo komiteta. (In Russ.).
- Vereshchagin, G. E. (2001). Svadebnyye obryady. In: *Sobraniye sochineniy, 6/3 : Ocherki russkikh Vyatsko-Prikamskogo kraya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 47—83. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N. (2002). Voda. In: *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 80—82. (In Russ.).